

Слово и тело в ранней прозе Н. Гоголя (теоретический аспект)

У статті йдеться про теоретичні аспекти художнього антропологічного досвіду ранньої прози М. Гоголя, явленого в слові як такому (Р. Барт) і його дискурсивній практиці. Мова опису постає точкою відліку для з'ясування тілесної присутності гоголівської людини. Автор роботи йде шляхом теоретичного осмислення феномену тіла і його семантики в перших збірках письменника. Образ тіла розглядається і поціновується як "пучок проблем" (М. Фуко) і джерело смислу.

Ключові слова: слово як таке, тіло, тілесність, гоголівська людина, антропологічна оптика, антропологічна поетика, вітальність.

В статье речь идет о теоретических аспектах художественного антропологического опыта ранней прозы Н. Гоголя, представленного словом как таковым (Р. Барт) и его дискурсивной практикой. Язык описания предстает точкой отсчета для уяснения телесного присутствия гоголевского человека. Автор работы идет путем теоретического осмысления феномена тела и его семантики в первых сборниках писателя. Образ тела рассматривается и оценивается как "пучок проблем" (М. Фуко) и источник смысла.

Ключевые слова: слово как таковое, тело, телесность, гоголевский человек, антропологическая оптика, антропологическая поэтика, витальность.

The article deals with some theoretical aspects of art anthropologic experience of M. Gogol's early prose, which is represented by the word itself (R. Bart) and its discursive practice. Descriptive language is viewed as starting point in Gogol's man's presence clarification. The author proceeds the way of theoretical conceptualization of body phenomenon and its semantics in the early work of the writer. The character of the body is considered and measured both as a "tangle of problems" (M. Phuko) and a source of sense.

Key words: word as itself, body, embodiment, Gogol's person, anthropologic optics, anthropologic poetics, vitality.

Изначальная задача этой статьи – рассмотреть и проанализировать теоретическое содержание вопроса о миромоделирующей соотнесенности тела текста и тела личности (образа человека) и

шире – диалогичности двух универсальных категорий слова и тела, чье смысловое наполнение столь своеобразно в художественном мире Гоголя. А также показать статусное мерцание обоих явлений в дискурсе автора, понимая его как институциональную структуру между словом и миром (следуя известной классической формуле М. Фуко). Для такого аналитического подхода важно учесть хрестоматийную мысль А. Ф. Лосева, согласно которой человеческое тело весьма удачно определено как "бесконечная смысловая валентность" [1, с. 114], всякий раз требующая отдельного вопрошания и уяснения онтологических границ явления. Во многом созвучную идею А. Ф. Лосева точку зрения о феномене тела в прозе Гоголя высказывает и В. Ш. Кривонос, расценив его содержание как "пересечение смыслов" [2, с. 22]. Подобное художественное качество предполагает собой именно сложность самой процедуры мысли – как собственно творческой (здесь – со стороны Гоголя), так и ее аналитической ипостаси (либо версии). Об этом, например, шла речь в ряде выступлений участников международного круглого стола "Говорящее тело, воплощенное слово: художественная выразительность и телесность" (май 2014, МГУ).

Проблема слова в гоголевском художественном мире активно рассматривалась историками литературы в различных ее ракурсах и проекциях. Теоретическая мысль апеллировала к ней лишь в качестве иллюстрирующего момента и аргумента в построении собственных концептуальных построений. Правда, они не делали ее предметом отдельного специального рассмотрения. Среди историков и теоретиков литературы можно назвать имена А. Белого, В. В. Гиппиуса, Г. А. Гуковского, С. И. Машинского, Ю. В. Манна, продолжив перечень ученых С. Г. Бочаровым, М. Н. Виротайнен, В. Ш. Кривоносом, М. Н. Эпштейном, М. Я. Вайскопфом, Л. В. Карасевым, В. Д. Денисовым, А. С. Киченко и др. Естественно, список далеко не полон.

Нет нужды доказывать, что настоящая проблема неминуемо оказывается на пересечении различных гуманитарных дисциплинарных практик: филологии, философии, антропологии, истории культуры и т. д. Далекое не случайно А. М. Пятигорский убедительно отстаивает идею о сближении (синкретичности) филологического и философского знания, предопределяя тем самым обретение себя в слове [3, с. 127–134]. Подобная сциентическая направленность гуманитарного знания позволяет в полной мере определить онтологические и аксиологические параметры художественной антропологии в классической литературе, знаковой фигурой которой и является Н. Гоголь.

Тело в эпическом пространстве как предмет философской и художественной рефлексии восходит еще к Платону, о чем, например, говорится в работе В. Гавриленко [4], выдвигающей идею парадигмы множественности (фрагментарности) телесности, что в значительной мере затрудняет ее измерение. Лишь "онтологическое чувство" (Л. В. Карасев) человека позволяет ему уловить неразрывность с миром, осуществляемую с помощью слова. Вслед за В. В. Федоровым можно сказать, что оно может быть представлено как "сфера, в которой свершается бытие человечества" [5, с. 33]. Подобная позиция влечет за собой тотальное присутствие слова в антропологической поэтике автора.

По мнению современного ученого, в ситуации, связанной со словом как таковым (термин Р. Барта), возникает оппозиция, которая может быть выражена бытийными антропологическими характеристиками – "человек владеет словом" и "слово владеет человеком" [6, с. 3]. Согласно подобному миромоделирующему позиционированию "среда высказывания" (М. М. Бахтин) приобретает дискурсивные черты и характеристики, наполненные сложным и непростым антропологическим опытом бытия, человеческого присутствия в этом мире. Духовный опыт граничит с опытом телесным, вызывая тем самым к образу тела как таковому, где одной из характеристик бытийного модуса оказывается телесная граница с ее многовекторностью и неоднородностью [7, с. 25–33]. Постоянно фиксируемый "диктат общности" (Ю. В. Манн) – характерная черта художественного мира ранней прозы Гоголя – накладывает заметный отпечаток на диалектику взаимоотношений слова и тела. Сошлемся на суждение М. М. Гиршмана: "Рассказ о событии не есть само событие, слово о поступке не есть сам поступок. Но, становясь взаимодействующими сторонами художественного высказывания, они выявляют себя не иначе как через собственную противоположность. Поступок, воплощаясь в слове, именно в словесно-художественной реальности обнаруживает свой внутренний смыслообразующий потенциал. Слово же, вовлекая в себя внешнюю по отношению к нему реальность, само становится своеобразным действием, поступком, событием, порождением смысла" [8, с. 60]. Продолжая эту мысль, заметим, что сказанное в полной мере можно отнести к взаимоотношениям слова и тела.

Словесно оформленная телесность (равно как и тело) – это уже тотальное понятие (термин М. К. Мамардашвили), характеризующее собой структуру художественно-эстетического видения автора, с его приобретенным жизненным (шире – витальным) потенциалом воззрений на мир и на человека.

Синкретичность письма раннего Гоголя, как особое качество художественного мышления писателя, включает в себя разнохарактерные жанровые практики и стратегии, позволяющие, в свою очередь, неодинаково моделировать телесное присутствие человека, вербально реализовать "мышление тела" (термин Е. В. Петровской) в пространстве "Вечеров" и "Миргорода" [9, с. 41]. И бытийные константы такого мыслительного усилия зримо фиксируют нескончаемый поток жизни, с его человеческими вопрошаниями и молчанием (или же отсутствием ожидаемых ответов). Отсюда и сквозное видение человеческого тела, его витального присутствия во времени и пространстве. Вспомним обращение раннего Гоголя к легендарному, мифологизированному прошлому.

Но дело еще и в том, как это точно сформулировал А. С. Киченко, что "в основание поэтики раннего Гоголя заложено не просто мифологизированное слово, а слово, прошедшее определенную культурную обработку, то есть фольклорное слово, представляющее качественно новый культурно-смысловой уровень" [10, с. 104]. Но "мир готовых значений и смыслов" (выражение М. К. Мамардашвили) попросту здесь практически невозможен и нецелесообразен как таковой. И всякий раз, в свою очередь, настойчиво требует иного, нового прочтения и интерпретации.

Перевернутый мир (оценка М. Н. Виролайнена) прозы раннего Гоголя ощутимо нарушает привычную, обыденную структуру видения человека и его телесного присутствия в мире, в данном случае в мире "Диканьских" и "миргородских" повестей [11]. Телесное око (выражение М. Хайдеггера) автора констатирует ощутимое нарушение привычной системы жизненных координат, взамен получив визуально искаженную (как следствие, мысленно трансформированную) картину мира. Отсюда, по-видимому, и та фрагментарность жанрового мышления раннего Гоголя, которую отмечают исследователи. Его телесный человек оказывается в иной ролевой ситуации, где меняются местами традиционные "верх" и "низ". В. В. Маркова отмечает: "Повышение статуса личности, ее самоценности и неповторимости, ведет одновременно к раздробленности человеческого сознания и отчуждению индивида от мировой и социальной целостности" [12, с. 3].

Вместе с тем заслуживает самого пристального внимания то обстоятельство, что образ тела здесь представлен тоже фрагментарно, путем визуализации отдельных его частей (органов) и деталей, что не дает возможности уяснить (соответственно, верно понять) "реальное тело" (Р. Барт). Гоголевская поэтика фрагментарности удачно фиксирует деструкцию тела, наглядно демонстрируя тем

самым границы человеческого "Я", фатально сопряженного с "не-Я" (вспомним здесь, например, мистическую сцену из "Вия").

Карта человеческого тела рисуется Гоголем по преимуществу в декартовском духе, как извечная оппозиция внешнего и внутреннего, самым непостижимым образом приводящая порой к трагическим развязкам и итогам. И, как можно заметить, особое место на этой карте занимает лицо человека, о чем писал Ю. М. Лотман [13, с. 349–375]. И в другой своей работе ученый констатирует то, что портреты главных героев "Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем" обладают алогичностью телесного описания [14, с. 93], где привычные антропологические параметры получают самое невероятное истолкование. Практика преобразования человека – это еще и свидетельство не только телесной мимикрии, но и духовного надлома.

Слово раннего Гоголя всей своей многоликостью стремится упорядочить "хаос жизни" (М. К. Мамардашвили), привнести в него в него живую человеческую мысль. В равной мере тут важно как говорящее слово, так и воплощенное слово. Но если это так, тогда "слово сверхматериально, т. е. сверхпространственно и сверхвременно" (идея В. В. Федорова) [15, с. 329]. К сказанному остается добавить, что такой потенциал слова реализуется с помощью тела.

Анализируя поэтику прозы раннего Гоголя, А. С. Киченко отмечает: "Поэтический мир "Вечеров" – мир в движении, мир не знающий статичности" [16, с. 107]. Но только ли в этом дело? Исходя из поставленной теоретической сверхзадачи, неизбежно возникает риторический вопрос. А как же быть с гоголевскими моментами вглядывания, любования, телесного созерцания в процессе диалогического общения персонажей "Вечеров" и "Миргорода"? В этом можно видеть антропологическую оппозицию взгляд извне / взгляд изнутри. Как бы то ни было, телесноориентированные дискурсивные практики создают ощутимый эффект открытой становящейся вербализации смысла, обретение себя в слове. Ведь тело или иначе "событие тела" (М. К. Мамардашвили) [17, с. 283] требует, в свою очередь, пристального внимания со стороны того, кто его пытается понять, уяснить, соотнеся с предыдущим вербальным опытом. Однако, как можно заметить, это несколько не говорит о том, что слово-инструмент (В. В. Библихин) имеет четко маркированное функциональное поле с его онтологическими характеристиками и границами. Авторский посыл демонстрирует читателю ситуацию творения, создания неповторимого телесного присутствия человека в предлагаемом мире "Диканьки" или "Миргорода". Гоголевская игра с реальностью (Б. М. Эйхенбаум), а тем более с телесным миром, воплощенным с помощью слова,

требует, в свою очередь, различных аналитических практик. Здесь примечательна и важна авторитетная позиция В. Н. Топорова, который пронизательно пишет: "Нет ничего опаснее иллюзии возможного "единого" метода познания вещи и человека" [18, с. 38]. Подобное предостережение вполне уместно в нашей ситуации, поскольку дает возможность избежать коллизии однозначности в теоретическом истолковании проблемы слова и тела в гоголевском тексте.

Художественно-антропологический дискурс раннего Гоголя – это авторский инвариант телесной философии человека с его романтическими упованиями, барочными вопрошаниями и сентиментальными разочарованиями, проговоренными через слово (или же с его помощью). Аппарат описания и интерпретации гоголевского человека органично вмещает в себя как вербальную (слово автора и слово героя), так и телесную практики, позволяющие своим сосуществованием взаимообразно дополнять друг друга, указывать на видимое и потаенное. Именно поэтому панорамное видение в данном случае занимает существенное место, предельно расширяя тем самым смысловое поле первых эпических циклов писателя. В связи с этим читаем у современного исследователя: "Мотив божественного видения чрезвычайно важен, потому что это сверх-видение, универсальное зрение, открывающее все, что есть в мире, и объединяющее это все в центрированное целое, сопологаемое субъекту этого видения-зрения" [19, с. 97]. Поэтому художественная антропология Гоголя не заранее данный смысл, а сущность, постигаемая и лишь только открываемая тому, кто к этому стремится и этого бескорыстно жаждет. Декартовская теория непрерывного порождения мира весьма значимый тому аргумент. И ведь "чтение создает читаемое" (М. К. Мамардашвили). Далеко не случайно С. А. Смирнов предлагает гуманитарным наукам термин антропозитика (как более удачный вариант – антропологическая поэтика), наполняя его различными концептуальными посылами и аналитическими стратегиями [см. : 20]. Как представляется, данная научная антропологическая идея своим сциентическим содержанием способна во многом благоприятствовать успешному объяснению диалектики взаимоотношений творца и его произведения.

Тело гоголевского человека, как это верно истолковывает В. Ш. Кривonos, – мысленная граница, онтологический рубеж, отчетливая смысловая рубрикация между "тем" и "этим" мирами [21, с. 13], видимым и потаенным, зримым и сокрытым. Она одновременно визуально осязаема, тактильно ощутима и вместе с тем это обиталище мысли. В последнем случае можно уверенно говорить о бесплотности сакральных сил в художественном мире раннего Гоголя, о чем пишет

М. Я. Вайскопф [22, с. 85–86]. Слово человека и его судьба оказывается в их власти. Положение вещей можно представить таким образом, что здесь можно наблюдать как глумление над телом (своеобразный травматический опыт), так и восхищенное любование им, неоплатоническое созерцание (удачное наблюдение М. Я. Вайскопфа). Однако это нисколько не говорит о том, что Гоголь не учитывает всю сложность диалектики взаимоотношений слова и тела.

В своей классической работе "Слово в романе" М. М. Бахтин отмечает смысловую дистанцию между говорящим человеком и его словом. Он пишет о том, что "между словом и предметом, словом и говорящей личностью залегает упругая, часто трудно проницаемая среда других, чужих слов о том же предмете, на ту же тему [23, с. 89]. Слово, произнесенное устами гоголевского героя (персонажа), звучит как некая смысловая характеристика человеческой личности посредством "чужого слова" (термин М. М. Бахтина), узнавание его, вербальное опредмечивание его телесного присутствия. Говорящий человек и его слово – тема достаточно объемная и многопрофильная, но для нас важен здесь приватный смысл диканьских и миргородских героев. Интимная речь [24, с. 428–472], здесь применительно к ранней прозе Гоголя, помогает напрямую и непосредственно маркировать телесную границу "своего" и "чужого". Феномен границы (как рубрикатора словесного и телесного начал) весьма существенен. Но, как пишет в связи с этим бытийным моментом В. Н. Топоров, "утрата чувства границы, которая деформирует и "человечески-духовное" и "вещно-телесное" и создает тем большую опасность разрыва между данностями "низкой" жизни и высотой идеального замысла, чем глубже идет процесс овеществления человека и оставления-покидания им вещи" [25, с. 39]. "Свое" и "чужое" – не только водораздел, но и искомые точки соприкосновения.

Свое и чужое тело (С. Н. Зенкин) обнаруживаются в ситуации единобытия, где вовсе нет ничего случайного, привнесенного извне, по воле неведомого случая. Гоголевская логика (выражение Ю. В. Манна) с завидным и упорным постоянством выявляет тотализацию мира, в пределах (границах, рамках) которого стремительно движется поток жизни с его онтологическими тупиками и хитросплетениями. Цепь единиц высказывания в гоголевском тексте прежде всего обусловлена фигурой нарратора, который осуществляет фокализацию повествования (смена точек зрения, ракурсы рассказываемого, телесные и словесные детали) [26, с. 142–151]. Теоретические идеи В. И. Тютю можно расценивать как своеобразное продолжение приводимой

мысли М. М. Бахтина, что свидетельствует о продуктивности начатого полилога.

Бытийная истина (М. Хайдеггер) обретается через процесс конкретизации антропологического опыта как самого автора, так и, соответственно, его героев. В своем курсе лекций М. К. Мамардашвили подчеркивает: "Мысль рождается из удивления вещам как таковым, и это называется мыслью" [27, с. 11]. Такая онтологическая ситуация очень часто встречается в художественном мире раннего Гоголя. В этом случае телесность гоголевского человека может быть представлена как мысле-образ [28, с. 10], обнаруживающий в своем смысловом содержании виртуально-бытийную реальность. По-видимому, именно отсюда и смена (трансформация) системы координат, связанная с сосуществованием повседневного, профанного и фантастического, inferнального. В свое время Ю. М. Лотман писал по этому поводу: "Фантастика ушла в быт, в вещи, в поведение людей и в их способ мыслить и говорить" [29, с. 108]. Отсюда, как можно думать, та сложная игра телесного и вербального начал. Когда одно бытийное качество незамедлительно перетекает в другое, столь органически близкое ему, рождая тем самым явление палингенеза, то есть преобразования или нового рождения. Примечательно, что Ю. В. Манн в ряде работ о поэтике Гоголя обращает внимание на образ "пританцовывающих старушек" в "Сорочинской ярмарке", видя в его содержании алогизм телесного бытия гоголевского человека [30, с. 161]. От себя прибавим, что данный антропологический казус вызывает целый ряд мифопоэтических ассоциаций, связанных, в первую очередь, с архетипом танатоса. И еще одна – древняя скульптурная миниатюра, содержащая символическую оценку глумления над телом, насильственного изъятия его из привычного жизненного хода вещей. Комическое и трагическое здесь соседствуют, граничат, соприкасаются в смысловом пространстве текста, образуя собой антитетические взаимоотношения. "Двуголосое слово" (известный термин М. М. Бахтина) не только удачно разграничивает предмет видения и субъект созерцания [31, с. 3], но и дает возможность осязать зримый мир во всем его многообразии, применяя по отношению к нему порой взаимоисключающие оценки и характеристики. Забывание истины (М. Хайдеггер) приводит гоголевского человека к изначально предсказуемому финалу или разрешению витального конфликта.

Телесность в мире ранней гоголевской прозы может быть ощутимо минимизирована, сведена к какой-либо одной-единственной черте, но в то же время существенной и значимой. И в противоположность этому, по наблюдению Ю. В. Манна, мы можем созерцать

телесную избыточность, демонстративно нарушающую привычные нормы и представления [32, с. 25]. Например, образ Пацюка в "Ночи перед Рождеством", явленного с помощью гротескного портрета, выполненного с помощью фантастических деталей и подробностей. Естественно, примеры подобной изобразительной стратегии автора можно было бы умножить.

Антропологическая оптика раннего Гоголя точно улавливает самые неожиданные трансформации на карте тела [33]. Его событие порой превосходит окончательную словесную оформленность и ведет от телесной расчлененности (неполноты) к красоте и гармонии (наблюдение М. Я. Вайскопфа) [34, с. 142]. То есть мы наблюдаем то, что можно обозначить как высшая простота. Говоря о специфике поэтического бытия, В. В. Федоров отмечает: "Дело воплощенного человека – не "подавить" в себе природное начало, а "превысить" [35, с. 334].

Ожидание смысла (Г. Г. Гадамер) подсказывает, что тернарная модель слова и тела (поле присутствия – поле повествования – поле высказывания) указывает на аналитические возможности при интерпретации данной проблемы в прозе раннего Гоголя. Словесная и телесная "театрализация мысли" (С. Кржижановский) автора приводит к сложному онтологическому полилогу.

Литература

1. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М., 1982.
2. Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя / В. Ш. Кривонос. – СПб., 1999.
3. Пятигорский А. М. Краткие заметки о философском в его отношении к филологическому / А. М. Пятигорский // *Philologica*. – 1995. – Vol. 2. Любопытно было бы сравнить концептуальную позицию известного ученого с точкой зрения Н. С. Автономовой, В. В. Бибихина, И. П. Смирнова, М. Н. Эпштейна. См.: Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – М., 2009; Бибихин В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. – СПб., 2002; Смирнов И. П. Текстомахия: как литература отзывается на философию / И. П. Смирнов. М., 2010; Эпштейн М. Знак пробела. Будущее гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. М., 2004. Исследователи здесь убеждены, что именно слово является точкой притяжения различных антропологических стратегий. От себя прибавим, что данный вопрос – тема отдельного обширного разговора.
4. Гавриленко В. Тело у Гомера: к генеалогии понятия / В. Гавриленко // *Логос*. – 2011. – № 4 (83). – С. 180–192.

5. Федоров В. В. Проблемы поэтического бытия / В. В. Федоров. Донецк, 2008.
6. Николаева П. В. Проблема действенности слова в художественном мире Н. В. Гоголя : автор. дисс. ... канд. филол. наук : Специальность 10.01.01 – Русская литература / П. В. Николаева. – Иваново, 2008.
7. Трунов Д. Г. Феноменология телесной границы / Д. Г. Трунов // PsyJournals.ru, 2011.
8. Гиршман М. М. Литературное произведение: теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – М., 2002.
9. Денисов В. Д. Ранняя гоголевская проза (1829–1834): пути развития, жанровое своеобразие, типология героев : автореф. дисс. ... д. филол. наук : Спец. 10.01.01 – Русская литература / Денисов В. Д. СПб., 2012.
10. Эта же мысль проговорена ученым в его монографии: Денисов В. Д. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя) / В. Д. Денисов. – СПб., 2006.
11. Киченко А. Молодой Гоголь: поэтика романтической прозы / А. С. Киченко. – Нежин, 2007.
12. См.: Виролайнен М. Н. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности / М. Н. Виролайнен. – СПб., 2003. Рядом с указанной характеристикой находим и определение "замкнутый мир", что лишь характеризует герметичность бытия гоголевского человека.
13. Маркова В. В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начала 1840-х годов (от "Невидимого" В. А. Жуковского к "Мертвым душам" Н. В. Гоголя) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : Спец. 10.01.01 – Русская литература / Маркова В. В. – Тюмень, 2005.
14. Лотман Ю. М. Портрет / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб., 2003.
15. Лотман Ю. М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Филологические науки. Тарту, 1970. – Вып. 251.
16. Федоров В. В. Проблемы поэтического бытия / В. В. Федоров. Донецк, 2008.
17. Киченко А. Молодой Гоголь: поэтика романтической прозы / А. С. Киченко. – Нежин, 2007.
18. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути) / М. К. Мамардашвили. – М., 1995.
19. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М., 1995.
20. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М., 1995.
21. Смирнов С. А. Антропозитика. Введение в предмет [Электронный ресурс] // – Режим доступа.
antropolog.ru. – Назва з екрана.

22. Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя / В. Ш. Кривонос. – СПб., 1999.
23. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст / М. Я. Вайскопф. – М., 1993.
24. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М., 1975.
25. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
26. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М., 1995.
27. Тюпа В. И. Дискурсивная практика теоретического мышления / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2009. – Вып. 13.
28. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления / М. К. Мамардашвили. М., 2000.
29. Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание / Я. В. Чеснов. – М., 2007.
30. Лотман Ю. М. Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Филологические науки. Тарту, 1970. – Вып. 251.
31. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст / М. Я. Вайскопф. – М., 1993.
32. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма / Ю. В. Манн. СПб., 2007.
33. Кауфман С. Н. Визуальность в поэтике Н. В. Гоголя: повествовательный аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 – "Русская литература". – Новосибирск, 2013. Здесь можно указать еще на одну работу подобной направленности: Овечкин С. В. Повести Гоголя. Принципы нарратива. автореф. дисс. ... канд. филол. наук специальность 10.01.01 – "Русская литература". – СПб., 2005.
34. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма / Ю. В. Манн. СПб., 2007.
35. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст / М. Я. Вайскопф. М., 1993.
36. Федоров В. В. Проблемы поэтического бытия / В. В. Федоров. – Донецк, 2007.